

Кукуша

Соборность (Кукуша #4)

Кукуша Кукуша

Соборность (Кукуша #4)

<https://litres.ru/74029653>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кукуша — философ, Павел — филолог. У них нет денег на ресторан, но есть старый тополь во дворе, триста пирожков бабы Зины, гирлянды тёти Любы и кот Муся, который выражает протест. Свадьба будет здесь. Под пухом, шампанским и мандариновым конфетти.

Но главное испытание — не церемония, а быт. Как уживаются всеединство Соловьёва и запятые Набокова? Как не поджечь квартиру, если ты «огнеопасная личность»? И может ли одна отдельно взятая семья стать маленьким всемирным счастьем?

«Соборность» — четвёртая повесть цикла «Мандариновый хаос Кукуши». О любви, которая не боится грамматических ошибок. О круге, который держится на добрых словах. И о том, что философия — это не книги, а люди, которые берут тебя за руку в самый важный день. Смешная, тёплая и очень оранжевая история для тех, кто верит, что счастье начинается во дворе.

Кукуша

Соборность (Кукуша #4)

Пролог, в котором все готовятся к главному событию, а кот Муся выражает протест

Свадьба должна была состояться в последнюю субботу мая. Кукуша и Павел решили не тратиться на ресторан — у философов денег нет, у филологов тоже, а друзья и соседи предложили отметить праздник во дворе, у старого тополя. Тополь как раз зацвёл, и пух летал белыми хлопьями, похожими на мандарины в снегу — только без запаха, зато с ощущением вечности, которое Кукуша так любила находить в повседневности.

Подготовка шла полным ходом. Баба Зина пекла пирожки — триста штук, с капустой, грибами, картошкой и даже с яблоками (для вегетарианцев, хотя никто из соседей вегетарианцем не был, но Кукуша читала где-то, что так "экологичнее" и "добрее к карме"). Баба Зина делала это с таким энтузиазмом, что в её кухне нельзя было дышать — тесто висело в воздухе, как философская категория, которую нельзя пощупать, но можно ощутить всеми фибрами души.

— Моя бабушка тоже пекла на свадьбы, — говорила она, вытирая пот со лба краем цветастого фартука. — Сорок лет назад. Тогда было триста гостей, а теперь — полдвора. Но я не жалею. Лишь бы молодые были счастливы. А счастье,

оно ведь не в количестве ртов, оно в том, как эти рты улыбаются.

Дядя Гриша чинил скамейки — пришлось сколотить три новые, потому что старые развалились от времени и соседских споров. Он работал с утра до вечера, проклиная свадьбу, гирлянды и любовь вообще, но в глазах его светилось что-то тёплое, похожее на свет уходящего, но не сдавшегося солнца. Валерий Степанович организовал музыкальное сопровождение — поставил на балконе старый магнитофон, который играл кассеты с песнями Кадышевой и «Ласкового мая». Он провозился с проводами два часа, пока из динамиков не пошёл чистый звук без помех.

— Молодёжь любит ретро, — сказал он уверенно, подкручивая громкость.

— Молодёжь любит рэп, — возразила Аня, студентка с фиолетовой чёлкой, которая пришла помогать мыть окна в подъезде (и заодно посмотреть, как целуются живые люди, а не в сериалах).

— Рэп — это не музыка, — отрезал Валерий, и в голосе его зазвенела обида инженера за поруганные идеалы. — Это рифмованная аритмия. Это хаос, которому придали форму только за счёт слэнга. Я как начальник ЖЭКа заявляю: на моей территории будет только Кадышева. Аритмии у нас и без того хватает — в трубах, кранах и подъездных домофо-

нах.

— Вы не начальник ЖЭКа, вы начальник участка, — напомнила баба Зина, высовываясь из окна. — Не повышайте себе квалификацию на моих пирожках.

— Всё равно. — Валерий Степанович гордо поправил очки.

Тётя Люба, комендантша, взяла на себя ответственность за гирлянды. Она купила три новых — красную, жёлтую и оранжевую — и лично проверила каждую лампочку. Кукуша пыталась помочь, но тётя Люба отгоняла её, как муху, причём муху не простую, а метафизическую, которая лезет в материю со своими идеями.

— Не трогай, Ветрова. Твоя гирлянда — это пожарная сигнализация. У неё контакты как твои мысли — искрят без причины. Моя гирлянда — это праздник. Чувствуешь разницу? Праздник — это когда светло и нет запаха гари. Запомни на будущее.

Павел с Кукушей спорили о том, нужен ли на свадьбе мандариновый фейерверк. Кукуша была за, Павел — против. Спор длился три дня, перерос в обсуждение «что такое счастье» (Кукуша: «счастье — это когда всё оранжевое»; Павел: «счастье — это когда нет дыма, хлопот и вызова пожарных»), а закончился тем, что Павел купил хлопушки с конфетти оранжевого цвета. Они лежали в пакете и шелестели

обещанием веселья.

— Это компромисс, — сказал он, чувствуя себя дипломатом на минном поле.

— Ты просто боишься, что я подожгу двор, — надулась Кукуша, но глаза её смеялись.

— Не только двор. Но и себя. Ты — огнеопасная личность. Ты — философ, который способен загореться от собственной идеи. А я филолог, я отвечаю за запятые и за твою целостность.

Кукуша надулась, но хлопущки одобрила.

А за день до свадьбы случилось непредвиденное: Муся, рыжий кот бабы Зины, залез на дерево и отказался слезать. Все попытки его сманить провалились. Ему кидали колбасу — он отвернулся. Ему пели ласковые песни — он зажмурился от отвращения. Дядя Гриша даже попытался изобразить мышиный писк, что вызвало у кота глубочайшее презрение к человеческому роду. Кот сидел на верхней ветке, смотрел на суету внизу и презрительно шурился, как старый генерал на развод молодых солдат.

— Он чувствует, что его власть уходит, — сказал дядя Гриша. — Скоро здесь будет новая семья, а он останется в старых порядках. Это протест. Животный бунт против матриархального строя.

— Вы же не выгоняете Мусю? — испугалась Кукуша, потому что идея кота-изгоя разбивала ей сердце.

— Нет, но он сам решил, что свадьба — это лишнее. Коты — эгоисты. Они не любят, когда внимание переключается с них на кого-то другого. Даже если это внимание — любовь. Мусе нужна любовь вся, без остатка. А её хотят делить с каким-то филологом.

Пришлось вызывать Павла: он залез на дерево, снял кота (получив глубокую царапину на руке, разорванную рубашку и укус за палец — на всякий случай, для профилактики) и торжественно вручил его бабе Зине, как Одиссей, возвращающийся с очередного подвига.

— Вот, — сказал Павел, запыхавшись и счастливый. — Ваш античный герой. Я с ним сразился, и он признал моё превосходство.

— Он не античный, он эпический, — поправила Кукуша. — Эпический кот, который попытался сорвать свадьбу, но был посрамлён филологом. Есть в этом своя справедливость.

Муся фыркнул и убежал в подъезд, где его ждала миска с рыбой — успокоительный приз за моральный ущерб.

В тот же вечер мама Кукуши, Елена Викторовна, приехала из Рязани. Она вошла во двор с двумя тяжёлыми сумками —

в одной были соленья (огурцы, помидоры, кабачковая икра), в другой — иконы. Небольшие, в деревянных окладах, для благословения семейного очага.

— Доча, — сказала она, обнимая Кукушу так крепко, что у той хрустнули рёбра, — ты не передумала?

— Нет, мам. — Кукуша уткнулась в родное плечо, пахнущее рязанскими яблоками и дорогой.

— И он не передумал?

— Он филолог. Он всегда доводит дела до конца. Даже если эти дела — я.

Мама посмотрела на Павла, который в это время пытался оттереть пятно от мазута на новых брюках (после спасательной операции на тополе) с помощью подсолнечного масла, и тяжело, очень по-матерински вздохнула.

— Ладно, — сказала она с мудростью, нажитой за пятьдесят лет. — Будем надеяться на лучшее. И молиться, чтобы мазут отошёл. И чтобы вы оба не сошли с ума от счастья.

Глава 1. Ночь перед свадьбой (или как Кукуша не спала и цитировала Соловьёва)

Кукуша не спала всю ночь. Она лежала на диване в своей комнате (последнюю ночь как незамужняя, последнюю ночь в статусе «девушки с соборными мечтами»), обнимала Ры-

жую и смотрела в потолок. Потолок был старый, с трещинами, напоминавшими карту мира, где ещё не открыли Америку. Рядом, на стуле, висело свадебное платье — не белое, а мятно-зелёное, потому что белое напоминало ей бабушкин пододеяльник, в котором она спала в детстве и видела кошмары про ЕГЭ по обществознанию, а также, по словам Павла, «слишком по-европейски». Платье баба Зина перешила из старого выпускного платья Насти, добавив кружева и мандариновые пуговицы (Кукуша настояла, назвав это «пост-модернистским жестом»). Пуговицы пахли прошлогодними мандаринами — Кукуша намочила их в масле цедры и высушила на батарее, отчего вся комната на неделю приобрела запах новогоднего базара.

— Рыжая, — прошептала она в темноту, которая казалась густой и вязкой, как сироп, — а что если я не готова? Что если мы слишком разные? Я философ, он филолог. Я верю в чудеса, он — в запятые. Я цитирую Соловьёва, он — Набокова. Я не умею готовить, он умеет, но не любит мыть посуду. Это катастрофа? Или это норма?

Кошка зевнула, показав розовый язык, и повернулась на другой бок, продемонстрировав полное равнодушие к метафизическим терзаниям хозяйки. Её мнение было очевидным: все человеческие переживания — ерунда, пустая трата времени и нервных клеток, главное — чтобы кормили вовремя и гладили по шерсти, а не против.

— Ты не понимаешь, — вздохнула Кукуша, почёсывая Рыжую за ухом. — Соловьёв писал о всеединстве, но он не писал о том, как уживаются два человека с разными взглядами на склонение числительных. Он не писал о том, как делить бюджет, как мыть полы, как решать, чья очередь выносить мусор. Всеединство — это красиво, но мусорное ведро переполняется одинаково для всех философов мира.

Она вспомнила свой любимый пассаж из «Смысла любви»: «Любовь есть выход из эгоизма. Она есть оправдание и спасение индивидуальности через жертву эгоизма». Выходит, ей придётся пожертвовать частью своего эгоизма. Например, перестать класть мандариновые корки в суп (Павел называл это «гастрономическим экстремизмом»). И перестать спорить о том, как правильно говорить «звонит» или «звонит» — Павел однажды чуть не расплакался, услышав от неё «звОнит», и прочитал лекцию о кодифицированных нормах современного русского языка.

— И ещё он не выносит, когда я говорю «ложить» вместо «класть», — продолжила она, чувствуя себя на исповеди. — Но я же философ! Для философа важны смыслы, бытие и интуиция, а не глаголы несовершенного вида. Неужели Соловьёв заботился о глаголах, когда писал о Софии?

В три часа ночи ей пришло сообщение от Павла: «Не спишь?».

«Нет, — ответила она, дрожащими пальцами набирая

текст. — Боюсь».

«Чего? Ты же храбрая. Ты прошла огонь, воду и медные трубы философского факультета».

«Что ты утром не придёшь. Что передумаешь. Что я слишком странная. Что мандариновые пуговицы отвалятся в самый ответственный момент».

«Ты странная. Я филолог. Я люблю странности, это наш профессиональный инструмент. Приду. Обязательно, даже если весь двор утонет в пуху. А теперь спи. Завтра длинный день. И помни: даже если ты наденешь платье с мандариновыми пуговицами, это всё равно будет красиво, потому что красивое — это то, что сделано с любовью, а не по ГОСТу».

Кукуша улыбнулась в темноту. Рыжая перебралась на подушку и уткнулась носом в её ухо — тёплым, влажным, живым.

— Ладно, — сказала Кукуша. — Соловьёв, будь моим свидетелем. Будь моим софийным маяком в этом брачном плавании.

Соловьёв молчал. Но это молчание было красноречивее любых слов. Где-то вдалеке прокукарекал петух (хотя в Москве петухов не держат, это вам не Рязань, Кукуше просто показалось от переутомления). Она закрыла глаза и про-

валилась в сон — без сновидений, но с лёгким чувством, что всё будет хорошо. Или не хорошо, а именно так, как нужно.

Глава 2. Утро свадьбы (или как Кукуша потеряла туфель, а Павел — очки)

В семь утра в комнату ворвалась Настя с криком: «Вставай, философ! Сегодня твой день! Сегодня ты станешь не просто Аглаей, а почти замужней Аглаей!». Крик был таким громким, что Рыжая подпрыгнула на месте, как ужаленная, и ускакала под кровать, где и затаилась до лучших времён.

Кукуша открыла один глаз. Глаз был красным — от бессонницы и слёз (она всё-таки всплакнула под утро, когда поняла, что засыпает в последний раз в статусе «девушки Кукуши» и что это статус уходит безвозвратно, как лето). Второй глаз не открывался — его запекло, словно кто-то склеил веки философским клеем.

— Не хочу, — сказала она, натягивая одеяло на голову. — Хочу остаться под одеялом и перечитывать Хайдеггера. Брак — это социальный конструкт.

— Надо, — отрезала Настя, стаскивая одеяло. — Ты же сама хотела эту свадьбу. Ты три месяца выбирала пуговицы. Ты написала список гостей в стихах. Социальные конструкты тоже требуют уважения.

— Я хотела всемирное счастье. А свадьба — это локальное. Это всего лишь один двор и один тополь.

— Локальное счастье тоже счастье, не будь снобом. И вообще, вставай, а то придёт твоя мама и устроит экзекуцию с иконами и святой водой.

Настя вытащила Кукушу из кровати, умыла холодной водой (чтобы не опухали глаза — ледяная вода, как шоковая терапия), намазала кремом (с запахом огурцов, для тонуса) и усадила перед зеркалом. Зеркало было то самое, с трещиной, в коридоре общежития, которое видело столько студенческих слёз, сессий, разбитых сердец и невыученных билетов, что само могло бы защитить диссертацию по психологии. Кукуша посмотрела на своё отражение и подумала: «Аглая — значит сияющая. Сегодня я должна сиять. Даже если у меня красные глаза и ощущение, что я вот-вот упаду в обморок от переизбытка чувств».

Причёску делала Аня — она пришла с целым арсеналом шпилек, заколок и лака для волос такой силы, что его запах мог заменить противогаз. Катя, её подруга, колдовала над макияжем: тонировала, штриховала, растушёвывала. Получилось не идеально — Кукуша моргала слишком часто, потому что нервничала, а ресницы не хотели завиваться, демонстрируя свою независимость, — но очень душевно.

— Ты будешь красивой, — сказала Катя. — Как мандарин на ёлке. Яркая, круглая, желанная для всех.

— Мандарины на ёлке — это красиво, — согласилась Ку-

куша. — Но они быстро портятся. Через неделю их выбрасывают.

— Не каркай. Ты не мандарин. Ты человек. А люди портятся дольше. И то если их неправильно хранить.

Платье надели с третьей попытки — пуговицы-мандарины путались, норовили расстегнуться, одна оторвалась и укатилась под шкаф. Её искали всем миром: Настя с фонариком, Аня со шваброй, Катя с призывом «стоять и не дышать», пришедшая тётя Люба с железной логикой, и даже Рыжая (кошка просто бегала за ними, думая, что это весёлая игра «догони оранжевый круг»). Пуговицу нашла Кукуша — она лежала в её старом ботинке, куда, видимо, закатилась ночью, чтобы пошутить над нервами невесты.

— Это знак, — торжественно объявила Кукуша, прижимая пуговицу к сердцу. — Мандариновые пуговицы — к долгой любви. И к тому, что в этой семье ничего не теряется безвозвратно.

— С каких это пор? — усмехнулась Настя, поправляя фату (точнее, её замену — кружевную косынку, связанную бабой Зиной).

— С сегодняшних. Я объявляю новую традицию. С сегодняшнего дня всё потерянное возвращается, особенно если это символ.

Когда Кукуша была почти готова — причёска зафиксирована, макияж сиял, пуговица на месте, — выяснилось, что нет туфель. Обыскали всю комнату: под кроватью, в шкафу, в ванной, даже в холодильнике (Кукуша иногда кладёт вещи куда попало, когда нервничает, объясняя это «феноменологическим расширением пространства»). Туфли исчезли, растворились, словно их и не было. Нашёл их Павел — он тихонько зашёл в комнату, чтобы поздравить невесту (нарушив традицию, потому что не мог ждать ни минуты), и увидел туфли на подоконнике в коридоре. Сверху лежала мандариновая корка для маскировки.

— Ты специально? — спросил он, входя с туфлями в руках, и голос его дрожал от нежности и облегчения.

— Нет, — чистосердечно ответила Кукуша. — Это Соловьёв пошутил. У него чувство юмора, знаешь ли. Особенно по ночам.

Павел был в новом сером костюме, с бабочкой в оранжевую клетку — «цвета мандариновой цедры», как он выразился, чувствуя себя героем ретро-фотографии. Очки он тоже надел новые — старые разбил вчера, когда полез за Мусей на дерево, и теперь смотрел на мир через более дорогие и чёткие стёкла. В этих очках он выглядел серьёзнее, почти профессором, почти человеком, который знает, куда ставить запятую в предложении «казнить нельзя помиловать».

Кукуша посмотрела на него и почувствовала, что сердце стучит где-то в горле — или в животе, или в кончиках пальцев, или во всех этих местах одновременно. Она вдруг поняла, что не боится. Вообще. Ноль страха. Только счастье — большое, оранжевое, как тот самый мандарин, который она съела на завтрак для храбрости.

— Ты красивый, — сказала она. — Даже слишком. Это подозрительно.

— Ты тоже. Даже с красными глазами и мандариновой пуговицей на плече.

— Это не пуговица, это символ. Повторяю для тех, кто не понял с первого раза.

Они обнялись. Настя сфотографировала — для истории и для районного чата, который в ту же секунду завибрировал от уведомлений. Через минуту чат взорвался комментариями: «Красавцы!», «Когда гулянье?», «Мандарины будут?», «Паша, ты чего такой серьёзный? Улыбнись, это же свадьба!», «Аглая, ты философ, но выглядишь как ангел. Это что, диалектика?»

Глава 3. Девичник и мальчишник (коротко, но душевно)

Пока Кукуша собиралась — причёска уже держалась на ста семи шпильках, макияж сиял, но туфли всё ещё не нахо-

дились, — Настя устроила мини-девичник прямо в комнате. Не в ресторане, не в кафе, не в караоке-клубе с мигающими огнями, а среди стопок книг (философские трактаты соседствовали с детективами), носков Рыжей (кошка успела растащить их по всем углам) и разбросанных шпилек, которые поблёскивали на полу, как маленькие серебряные рыбки.

Пришли Аня и Катя (обе в одинаковых платьях в горошек, «чтобы было видно, что мы подруги», сказала Катя), Лена с Артёмом (ребёнок тут же попытался стащить с туфель бантики, увидев в них идеальную игрушку — яркую, блестящую, явно съедобную на вид), тётя Люба (в своём неизменном халате, но с праздничной брошью в виде цветка) и даже баба Зина — она отпросилась с кухни на десять минут, оставив пирожки в духовке на попечение высших сил, домового и старого таймера, который пищал, когда хотел.

Комната сразу стала тесной, но уютной, как пенал, набитый карандашами разного цвета. Запахло духами, лаком для волос, мандаринами и ещё чем-то особенным — предпраздничным, тем, что бывает только раз в жизни.

— По традиции, — сказала Настя, вставая в позу тамады и держа в руке расчёску как микрофон, — невеста должна поплакать. Поплачь. Это ритуал. Он очищает, снимает напряжение и настраивает на нужный лад перед переходом в новую жизнь.

— Не хочу, — сказала Кукуша, сидя на краешке кровати

и боясь помять платье. — Я уже плакала ночью. Всю ночь, между прочим. Мне хватит на год вперёд. У меня больше нет слез, только философские аргументы.

— Надо, — настаивала Настя. — Иначе счастье будет сухим, как старый сухарь, как прошлогодний мандарин, как диссертация без аплобации. Проверено поколениями.

Кукуша вздохнула, посмотрела в окно на тополь, который уже зеленел в предвкушении праздника, и подумала. Подумала о маме, которая сейчас сидит в другой комнате, в комнате Насти, и в третий раз проверяет список гостей — перечитывает каждую фамилию, каждую отчество, каждую запятую, как партийный документ, как диссертацию, как завещание. О папе, которого нет уже пять лет, — он так мечтал проводить её к венцу, но не дожил, и теперь, наверное, смотрит откуда-то сверху и улыбается. О бабушке, которая связала то самое кружево, которое сейчас украшает её платье, — бабушка уже плохо видела, но вязала на ощупь, пальцы помнили больше, чем глаза, и каждую петельку она вкладывала свою любовь, свою надежду, своё «живите долго и счастливо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.